

Школьный этап всероссийской олимпиады школьников

2023/24 учебный год

Литература

10-11 класс

Уважаемый участник олимпиады!

Вам предстоит выполнить задания олимпиады.

Время выполнения – 200 мин.

Внимательно прочитайте задания.

Распределите время, чтобы успеть выполнить все задания.

ЗАДАНИЕ 1. Максимальное количество баллов –60

1. Внимательно прочтите текст и дайте его целостный анализ.
2. Охарактеризуйте систему персонажей.
3. Как вы понимаете финал рассказа?
4. Какова роль фантастики в этом рассказе?

КИР БУЛЫЧЁВ
СНЕГУРОЧКА

Я только раз видел, как погибает корабль. Другие этого никогда не видели.

Это не страшно, потому что ты не успеваешь мысленно перенестись туда и ощутить все по отношению к себе. Мы смотрели с мостика, как они пытались опуститься на планетку. И казалось, что это им удастся. Но скорость все-таки была слишком велика.

Корабль коснулся дна пологой впадины и, вместо того чтобы замереть, продолжал двигаться, словно хотел спрятаться внутрь камня. Но каменное ложе не пожелало поддаться металлу, и корабль начал расползаться, словно капля, упавшая на стекло. Движение его замедлялось, только мелкими брызгами, лениво и беззвучно, какие-то части

его отделялись от основной массы корабля и черными точками взлетали над долиной, разыскивая удобные места для того, чтобы улечься и замереть. А потом это бесконечное движение, продолжавшееся около минуты, прекратилось. Корабль был мертв, и только тогда мое сознание с опозданием реконструировало грохот лопающихся переборок, стоны рвущегося металла, вой воздуха, кристалликами оседающего на стенах. Живые существа, которые там только что были, наверно, успели услышать лишь начало этих звуков.

На экране лежало многократно увеличенное лопнувшее черное яйцо, и потеки замерзшего белка причудливым бордюром окружали его.

- Все, - сказал кто-то.

Мы приняли сигнал бедствия и почти успели к ним на помощь. И увидели его гибель.

Вблизи, когда мы спустили катер и вышли к долине, зрелище приобрело должные масштабы и трагичность, происходящую оттого, что ты можешь примерить случившееся по себе. Черные точки превратились в лоскуты металла размером с волейбольную площадку, части двигателей, дюзы и куски тормозных колонн - поломанные игрушки гиганта. Казалось, что, когда корабль растрескиваясь, вжимался в скалы, кто-то запустил лапу внутрь и выпотрошил его.

Метрах в пятидесяти от корабля мы нашли девушку. Она была в скафандре — они все, кроме капитана и вахтенных, успели надеть скафандры. Видно, девушка оказалась вблизи люка, вырванного при ударе. Ее выбросило из корабля, как пузырек воздуха вылетает из бокала с нарзаном. То, что она осталась жива, относится к фантастическим случайностям, которые беспрестанно повторяются с того момента, когда человек впервые поднялся в воздух. Люди вываливались из самолетов с высоты в пять километров и умудрялись упасть на крутой заснеженный склон или на вершины сосен, отделяясь царапинами и синяками.

Мы принесли ее на катер, она была в шоке, и доктор Стрешний не позволил мне снять с нее шлем, хотя каждый из нас понимал, что, если мы не окажем помощи, она может умереть. Доктор был прав. Мы не знали состава их атмосферы и не знали, какие смертоносные для нас, но безвредные для нее вирусы благоденствуют на ее белых блестящих, коротко стриженных волосах.

Теперь следует сказать, как выглядела эта девушка и почему опасения доктора показались мне, да и не только мне, преувеличенными и даже несерьезными. Мы привыкли связывать опасность с существами, неприятными нашему глазу. Еще в двадцатом веке один психолог утверждал, что может предложить надежное испытание для космонавта, уходящего к дальним планетам. Надо только спросить его, что он будет делать, если встретится с шестиметровым пауком отвратительного вида. Первой, инстинктивной реакцией испытуемого было извлечь бластер и всадить в паука весь заряд. Паук же мог оказаться бродящим в одиночестве местным поэтом, исполняющим обязанности непрямого секретаря добровольного общества защиты мелких птиц и кузнечиков.

Ждать подвоха со стороны тоненькой девушки, длинные ресницы которой бросали тень на бледные нежные щеки, при взгляде на лицо которой любого из нас охватывало необоримое желание увидеть, какого же цвета у нее глаза, ждать от этой девушки подвоха, даже в виде вирусов, было как-то не по-мужски.

Этого никто не сказал, и я не сказал тоже, но у меня такое впечатление, что доктор Стрешний чувствовал себя мелким подлецом, чиновником, который ради буквы инструкций отказывает беспомощному посетителю.

Я не видел, как доктор дезинфицировал тончайшие щупы, чтобы ввести их сквозь ткань скафандра и набрать пробы воздуха. И не знал, каковы

результаты его трудов, потому что мы снова ушли к кораблю, чтобы забраться

внутри и снова отыскать чудо - еще кого-то, оставшегося в живых. Это было бессмысленным занятием - из тех бессмысленных занятий, которые нельзя бросить, не доведя до конца.

- Плохо дело, - сказал доктор. Мы услышали его слова, когда пытались взобраться внутрь корабля. Это было нелегко, потому что его помятая стена нависала над нами, как футбольный мяч над мухами.

- Что с ней? - спросил я.

- Она еще жива, - сказал доктор. - Но мы ничем ей не сможем помочь. Она Снегурочка.

Наш доктор склонен к поэтическим сравнениям, но их прозрачность не всегда понятна непосвященному.

- Мы привыкли, - продолжал доктор, и, хотя его голос звучал у меня в

наушниках, словно он обращался ко мне, я знал, что говорит он в основном для тех, кто окружает его в каюте катера. - Мы привыкли, что основой жизни служит вода. У нее аммиак.

Значение его слов дошло до меня не сразу. До остальных тоже.

- При земном давлении, - сказал доктор, - аммиак кипит при минус 33, а замерзает при минус 78 градусах.

Тогда все стало ясно.

А так как в наушниках было тихо, я представил, как они смотрят на девушку, ставшую для них фантомом, который может превратиться в облако

пара, стоит лишь ей снять шлем...

Штурман Бауэр рассуждал вслух, не вовремя демонстрируя эрудицию:

- Теоретически предсказуемо. Атомный вес молекулы аммиака 17, воды - 18. Теплостойкость у них почти одинаковая. Аммиак так же легко, как вода, теряет ион водорода. В общем, универсальный растворитель.

Я всегда завидовал людям, которым не надо лезть в справочник за

сведениями, которые никогда не могут пригодиться. Почти никогда.

- Но при низких температурах аммиачные белки будут слишком стабильными, - возразил доктор, будто девушка была лишь теоретическим построением, моделью, рожденной фантазией Глеба Бауэра.

Никто ему не ответил.

Мы часа полтора пробирались по отсекам разбитого корабля, прежде чем нашли неповрежденные баллоны с аммиачной смесью. Это было куда меньшим чудом, чем то, что случилось раньше.

Я зашел в госпиталь, как всегда заходил, сразу после вахты. В госпитале

воняло аммиаком. Вообще весь наш корабль провонял аммиаком. Бесполезно

было бороться с его утечкой.

Доктор сухо покашливал. Он сидел перед длинным рядом колб, пробирок и баллонов. От некоторых из них шли шланги и трубы и скрывались в переборке. Над иллюминатором чернел небольшой ячеистый круг динамика-транслятора.

- Она спит? - спросил я.

- Нет, уже спрашивала, где ты, - сказал доктор. Голос был глухим и

сварливым. Нижнюю часть его лица прикрывал фильтр. Доктору приходилось каждый день решать несколько неразрешимых проблем,

связанных с кормлением, лечением и психотерапией его пациентки, и сварливость доктора усугублялась преисполнявшей его гордыней, так как мы летели уже третью неделю, а Снегурочка была здорова. Только отчаянно скучала.

Я почувствовал резь в глазах. Першило в горле. Можно было тоже придумать себе какой-нибудь фильтр, но мне казалось, что этим я проявил бы брезгливость. На месте Снегурочки мне было бы неприятно, если бы мои хозяева, приближаясь ко мне, надевали противогаз.

Лицо Снегурочки, как старинный портрет в овальной раме, обозначилось в иллюминаторе.

- Страствуй, - сказала она.

Потом щелкнула транслятором, потому что исчерпала почти весь свой словарный запас. Она знала, что мне иногда хочется услышать ее голос, ее настоящий голос. Поэтому, прежде чем включить транслятор, она говорила мне что-нибудь сама.

- Ты чем занимаешься? - спросил я. Звукоизоляция была несовершенна, и я услышал, как за перегородкой раздалось стрекотание. Ее губы шевельнулись, и транслятор ответил мне с опозданием на несколько секунд, в течение которых я мог любоваться ее лицом и движением ее зрачков, менявших цвет, как море в ветреный, облачный день.

- Я вспоминаю, чему меня учила мама, - сказала Снегурочка холодным, равнодушным голосом транслятора. - Я никогда не думала, что мне придется самой готовить себе пищу. Я думала, что мама чудачка. А теперь пригодились.

Снегурочка засмеялась раньше, чем транслятор успел перевести ее слова.

- Еще я учусь читать, - сказала мне Снегурочка.

- Я знаю. Ты помнишь букву "ы"?

- Это очень смешная буква. Но еще смешнее буква "ф". Ты знаешь, я сломала одну книжку.

Доктор поднял голову, отворачивая лицо от струйки вонючего пара, ползущей из пробирки, и сказал:

- Ты мог бы и подумать, прежде чем давать ей книгу. Пластик страниц при минус пятидесяти становится хрупким.

- Так и случилось, - сказала Снегурочка.

Когда доктор ушел, мы со Снегурочкой просто стояли друг против друга. Если коснуться пальцами стекла, то оно на ощупь холодное. Ей оно казалось почти горячим.

У нас было минут сорок, прежде чем придет Бауэр, притащит свой диктофон и начнет мучить Снегурочку бесконечными вопросами. А как у вас это? А как у вас то? А как проходит в ваших условиях такая-то реакция?

Снегурочка смешно передразнивала Бауэра и жаловалась мне: "Я же не биолог. Я могу ему наврать, а потом будет неудобно".

Я приносил ей картинки и фотографии людей, городов и растений. Она смеялась, спрашивала меня о деталях, которые мне самому казались несущественными и даже ненужными. А потом вдруг перестала спрашивать и смотрела куда-то мимо меня.

- Ты что?

- Мне скучно. И страшно.

- Мы тебя обязательно довезем до дому.

- Мне не поэтому страшно.

А в тот день она спросила меня:

- У тебя есть изображение девушки?

- Какой? - спросил я.

- Которая ждет тебя дома.

- Меня никто не ждет дома.

- Неправда, - сказала Снегурочка. Она могла быть страшно категорична.

Особенно если чему-нибудь не верила. Например, она не поверила в розы.

- Почему ты мне не веришь?

Снегурочка ничего не ответила.

...Облако, плывущее над морем, закрыло солнце, и волны изменили цвет - стали холодными и серыми, лишь у самого берега вода просвечивала зеленым. Снегурочка не могла скрывать своих настроений и мыслей. Когда ей было хорошо, глаза ее были синими, даже фиолетовыми. Но сразу выцветали, серели, когда ей было грустно, и становились зелеными, если она злилась.

Не надо было мне видеть ее глаза. Когда она открыла их впервые на борту нашего корабля, ей было больно. Глаза были черными, бездонными, и мы ничем не могли ей помочь, пока не переоборудовали лабораторный отсек. Мы спешили так, словно корабль мог в любой момент взорваться. А она молчала. И лишь через три с лишним часа мы смогли перенести ее в лабораторию, и доктор, оставшийся там, помог ей снять шлем.

На следующее утро ее глаза светились прозрачным сиреневым любопытством и чуть потемнели, встретившись с моим взглядом...

Вошел Бауэр. Он появился раньше, чем обычно, и был этому очень рад. Снегурочка улыбнулась ему и сказала:

- Аквариум к вашим услугам.

- Не понял, Снегурочка, - сказал Бауэр.

- А в аквариуме подопытный слизняк.

- Лучше скажем - золотая рыбка. - Бауэра не так легко смутить.

У Снегурочки все чаще было плохое настроение. Но что делать, если ты проводишь недели в камере два на три метра. И сравнение с аквариумом было справедливым.

- Я пошел, - сказал я, и Снегурочка не ответила, как обычно:
"Приходи
скорей".

Ее серые глаза с тоской смотрели на Глеба, точно он был зубным врачом. Я пытался анализировать свое состояние и понимал его противоестественность. С таким же успехом я мог влюбиться в портрет Марии

Стюарт или в статую Нефертити. А может, это была просто жалость к одинокому существу, ответственность за жизнь которого удивительным образом изменила и смягчила отношения на борту. Снегурочка принесла к нам что-то хорошее, заставлявшее всех непроизвольно прихорашиваться, быть благороднее и добрее, как перед первым свиданием. Открытая безнадежность моего увлечения рождала в окружающих чувство, среднее между жалостью и завистью, хотя эти чувства, как известно, несовместимы. Иногда мне хотелось, чтобы кто-нибудь подшутил надо мной, усмехнулся бы, чтобы я мог взорваться, нагрубить и вообще вести себя хуже других. Никто себе этого не позволял. В глазах моих товарищей я был блаженно болен, и это выделяло меня и отделяло от остальных.

Вечером доктор Стрешний вызвал меня по интеркому и сказал:

- Тебя Снегурочка зовет.

- Что-нибудь случилось?

- Ничего не случилось. Не беспокойся.

Я прибежал в госпиталь, и Снегурочка ждала меня у иллюминатора.

- Извини, - сказала она. - Но я вдруг подумала, что если умру, то не увижу тебя больше.

- Чепуха какая-то, - проворчал доктор.

Я невольно провел взглядом по циферблатам приборов.

- Посиди со мной, - сказала Снегурочка.

Доктор вскоре ушел, выдумав какой-то предлог.

- Я хочу коснуться тебя, - сказала Снегурочка. - Это несправедливо, что

нельзя дотронуться до тебя и не обжечься при этом.

- Мне легче, - сказал я глупо. - Я только обморожусь.

- Мы скоро прилетим? - спросила Снегурочка.

- Да, - сказал я. - Через четыре дня.

- Я не хочу прилетать домой, - сказала Снегурочка. - Потому что пока я

здесь, то могу представить, что касаюсь тебя. А там тебя не будет. Положи ладонь на стекло.

Я послушался.

Снегурочка прижалась к стеклу лбом, и я вообразил, что мои пальцы

проникают сквозь прозрачную массу стекла и ложатся на ее лоб.

- Ты не обморозился?

Снегурочка подняла голову и постаралась улыбнуться.

- Нам нужно найти нейтральную планету, - сказал я.

- Какую?

- Нейтральную. Посередине. Чтобы там всегда было минус сорок.

- Это слишком жарко.

- Минус сорок пять. Ты потерпишь?

- Конечно, - сказала Снегурочка. - Но разве мы сможем жить, если всегда придется только терпеть?

- Я пошутил.

- Я знаю, что ты пошутил.

- Я не смогу писать тебе писем. Для них нужна специальная бумага, чтобы она не испарялась. И потом, этот запах...

- А чем пахнет вода? Она для тебя ничем не пахнет? - спросила Снегурочка.

- Ничем.

- Ты удивительно невосприимчив.

- Ну вот ты и развеселилась.

- А я бы полюбила тебя, если бы мы были с тобой одной крови?

- Не знаю. Я сначала полюбил тебя, а потом узнал, что никогда не смогу быть с тобой вместе.

- Спасибо.

В последний день Снегурочка была возбуждена, и, хотя говорила мне, что не представляет, как расстанется с нами, со мной, мысли ее металась, не

удерживались на одном, и уже потом, когда я запаковывал в лаборатории вещи, которые Снегурочка должна была взять с собой, она призналась, что больше всего боится не долететь до дома. Она была уже там и разрывалась между мной, который оставался здесь, и всем миром, который ждал ее.

Рядом с нами уже полчаса летел их патрульный корабль, и транслятор на капитанском мостике непрерывно трещал, с трудом управляясь с переводом.

Бауэр пришел в лабораторию и сказал, что мы спускаемся в космопорт. Он постарался прочесть записанное название. Снегурочка поправила его, словно мимоходом, и тут же спросила, хорошо ли он проверил ее скафандр.

- Сейчас проверю, - сказал Глеб. - Чего ты боишься? Тебе же пройти всего тридцать шагов.

- И я хочу их пройти, - сказала Снегурочка, не поняв, что обидела Глеба. - Проверь еще раз, - попросила она меня.

- Хорошо, - сказал я.

Глеб пожал плечами и вышел. Через три минуты вернулся и разложил скафандр на столе. Баллоны глухо стукнулись о пластик, и Снегурочка поморщилась, словно ее ударили. Потом постучала по дверце передней камеры.

- Передай мне скафандр. Я сама проверю.

Чувство отчуждения, возникшее между нами, физически сдавливало мне виски: я знал, что мы расстаемся, но мы должны были расстаться не так.

Мы сели мягко. Снегурочка была уже в скафандре. Я думал, что она выйдет в лабораторию раньше, но она не рискнула этого сделать до тех пор, пока не услышала по интеркому голос капитана:

- Наземной команде надеть скафандры. Температура за бортом минус пятьдесят три градуса.

Люк был открыт, и те, кто хотел еще раз попрощаться со Снегурочкой, стояли там.

Пока Снегурочка говорила с доктором, я обогнал ее и вышел на площадку, к трапу.

Над этим очень чужим миром ползли низкие облака. Метрах в тридцати остановилась приземистая желтая машина, и несколько человек стояли возле нее на каменных плитах. Они были без скафандров, разумеется, они были без скафандров - кто дома надевает эту требуху? Маленькая группа встречающих затерялась на бесконечном поле космодрома.

Подъехала еще одна машина, и из нее тоже вылезли люди. Я услышал, что Снегурочка подошла ко мне. Я обернулся. Остальные отступили назад, оставили нас вдвоем.

Снегурочка не смотрела на меня. Она старалась угадать, кто встречает ее. И вдруг узнала.

Она подняла руку и замахала. И от группы встречающих отделилась женщина, которая побежала по плитам к трапу. И Снегурочка бросилась вниз, к этой женщине.

А я стоял, потому что я был единственным на корабле, кто не попрощался со Снегурочкой. Кроме того, в руке у меня был большой

сверток со Снегурочкиным добром. Наконец, я был включен по судовой роли в наземную команду и должен был работать внизу и сопровождать Бауэра при переговорах с космодромными властями. Мы не могли здесь долго задерживаться и через час отлетали. Женщина сказала что-то Снегурочке, та засмеялась и откинула шлем. Шлем упал и покатился по плитам. Снегурочка провела рукой по волосам. Женщина прижалась щекой к ее щеке, а я подумал, что обеим тепло.

Я смотрел на них, и они были далеко. А Снегурочка сказала что-то женщине и вдруг побежала обратно, к кораблю. Она поднималась по трапу, глядя на меня и срывая перчатки.

- Прости, - сказала она. - Я не простилась с тобой.

Это был не ее голос - говорил транслятор над люком, предусмотрительно включенный кем-то из наших. Но я слышал и ее голос.

- Сними перчатку, - сказала она. - Здесь только минус пятьдесят.

Я отстегнул перчатку, и никто не остановил меня, хотя и капитан и доктор слышали и поняли ее слова.

Я не почувствовал холода. Ни сразу, ни потом, когда она взяла мою руку и на мгновение прижала к своему лицу. Я отдернул ладонь, но было поздно.

На обожженной щеке остался багровый след моей ладони.

- Ничего, - сказала Снегурочка, тряся руками, чтобы было не так больно.

- Это пройдет. А если не пройдет, тем лучше.

- Ты сошла с ума, - сказал я.

- Надень перчатку, обморозишься, - сказала Снегурочка.

Снизу женщина кричала что-то Снегурочке.

Снегурочка смотрела на меня, и ее темно-синие, почти черные глаза были совсем сухими...

Когда они уже подошли к машине, Снегурочка остановилась и подняла руку, прощаясь со мной и со всеми нами.

- Зайди потом ко мне, - сказал доктор. - Я тебе руку смажу и перевяжу.

- Мне не больно, - сказал я.

- Потом будет больно, - сказал доктор.

ЗАДАНИЕ 2

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ.

Максимальное количество баллов –40 баллов

Представьте, что у известного вам героя русской литературы (Например, Онегина, Татьяны Лариной) был собственный паблик. Как он мог называться? Напишите небольшой пост от имени героя.

КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ:

1.Цельность-10 баллов

2.Свежесть идеи-10 баллов

3.Адекватность мысли-10 баллов

4.Соответствие текста содержанию и стилю выбранного произведения -10 баллов.